

УДК 811.161.1'37
DOI 10.52452/19931778_2024_3_212

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАСШИРЕНИЯ ГЛАГОЛА «ОБРУСЕТЬ» КАК ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СТЕРЕОТИПОВ

© 2024 г.

Н.В. Макшанцева

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Н. Новгород

makshan@lunn.ru

Поступила в редакцию 01.05.2024

На примере глагола «обрусеть» рассматриваются возможности слов и выражений, репрезентирующих концептуальную сферу русского, быть средством языкового воплощения национальных идеалов, ценностей, норм и стереотипов поведения. Использована исследовательская процедура, которая заключается в количественном анализе и последующей качественной интерпретации контекстов употребления указанного слова в большом массиве корпусных данных на предмет выявления возможной имплицитной, контекстуальной (т.е. наведенной в контексте) позитивной или негативной оценочности. Материалом исследования являются лексикографические сведения о глаголе «обрусеть» в русских толковых словарях и контексты употребления этого слова в Национальном корпусе русского языка. Выделены два семантических класса употреблений этого глагола: 'стать русским по культуре, языку, обычаям' (дескриптивное, нейтральное, внеоценочное значение); 'стать русским по духу, по характеру' (ценностно маркированное, оценочное значение). Контексты употребления этого слова демонстрируют семантические расширения обоих классов значений, в том числе и в плане выражения представлений о негативных сторонах русской жизни и об отрицательных свойствах русского национального характера.

Ключевые слова: глагол «обрусеть», семантическое расширение, национальные ценности, стереотипы, контекстуальная оценочность, корпусные данные, лингвокультурология, русская речь.

В современной лингвокультурологии в качестве исключительно значимой исследовательской области рассматривается языковое воплощение национальных идеалов, ценностей, норм и стереотипов поведения [1–3]. По мнению многих ученых, важнейшими средствами языковой объективации культурных смыслов в русской языковой картине мира этноса, в свою очередь, выступают слова и выражения, репрезентирующие концептуальную сферу русского [4–6]: «Существительное *русский*, прилагательное *русский* и производные слова на базе *русский*, помимо своего прямого номинативного значения, используются для выражения идеологических и ценностных приоритетов говорящего, моральных и политических взглядов и предпочтений...» [7, с. 27]. Одним из таких производных слов является глагол *обрусеть*, обладающий, на наш взгляд, существенной семантической емкостью и значительным ценностным потенциалом.

Методология предпринятого исследования основана на идеях и принципах современной лингвокультурологии [8; 9], или, в зарубежной научной традиции, *cultural linguistics* [10; 11], а также на методах лингвокогнитивного описания ключевых концептов в концептуальных системах этноса и личности [12–14] и когнитивно-дискурсивного корпусного анализа [15–17].

Непосредственная исследовательская процедура заключается в количественном анализе и последующей качественной интерпретации контекстов употребления интересующего нас слова в большом массиве корпусных данных на предмет выявления возможной имплицитной, контекстуальной (т.е. наведенной в контексте) позитивной или негативной оценочности [18]. Материалом исследования являются лексикографические сведения о глаголе *обрусеть* в русских толковых словарях [19–21] и контексты употребления этого слова в Национальном корпусе русского языка [22].

В соответствии с принятой концепцией исследования, сначала анализируются словарные толкования. Сводный анализ трех русских толковых словарей позволил выявить следующее значение глагола *обрусеть*: «Стать русским по культуре, языку, обычаям и т.п.; приобрести русский вид, характер» [19–21]. Следует отметить, что эта сводная формулировка значений далеко не охватывает реальное многообразие смыслов, стоящих за данным глаголом и реализованных в речевой практике носителей языка.

Предварительный анализ корпусного материала позволил выделить два семантических класса употреблений этого глагола: (1) стать русским по культуре, языку, обычаям: это значение нейтральное, внеоценочное, констатиру-

ющее определенное изменение положения вещей – условно назовем его дескриптивным (т.е. описательным) значением; (2) стать русским по духу, по характеру: это значение вписывает ситуацию обрусения в круг значимых для русских людей идеалов, ценностей и стереотипов поведения – его можно условно именовать оценочным (т.е. ценностно маркированным) значением. И тот и другой тип значения демонстрируют в контекстах, извлеченных из корпуса, разного рода семантические расширения.

Начнем с группы употреблений **дескриптивного типа**. В корпусном материале имеется значительное количество примеров, иллюстрирующих компонент толкования 'стать русским по культуре, языку, обычаям и т.п.'. Глагол *обрусеть* в этих случаях, как правило, относится к одушевленному лицу/одушевленными лицами, характеризуемому/характеризуемым по национальной принадлежности, а также к неодушевленным существительным, обозначающим семью, народ, религиозную общность, населенный пункт, обжитую территорию и пр.: *А чтобы содержать свой театр, что было довольно затратным делом, князь Урусов привлёк к делу компаньона, – обрусевшего англичанина Майкла Медокса, который сам был эквилибристом, театральным механиком и демонстрировал публике разные «механические» чудеса, в том числе оптические приборы* [Парламентская газета, 28.03.2020]; *Рене Пискер, оставаясь немцем и не порывая связи с родиной, уже настолько обрусел, что заслужил у селян простое обращение Бернардыч. Его русский безупречен, но лишен специфического «оканья», которое отличает живущих к северу от столицы* [Независимая газета, 01.08.1998]; *И к концу XIX века в романовских царях уже не было русской крови – это всё были обрусевшие немцы* [Известия, 07.09.2015]; *Актер, режиссер, педагог, один из реформаторов театра Всеволод Эмильевич Мейерхольд (настоящее имя – Карл Казимир Теодор Мейергольд) родился 28 января (9 февраля) 1874 года в Пензе в обрусевшей немецкой семье Эмилия Мейергольда – владельца винно-водочного завода* [РИА Новости, 02.02.2010]; *Я рассматривал либо русские, либо обрусевшие поселения, чтобы их можно было сравнивать с теми, что «на Большой земле»* [lenta.ru, 26.01.2019].

Однако в массиве корпусных данных зафиксированы и семантические преобразования глагола *обрусеть*. При этом возможны как парадигматические, так и синтагматические преобразования. К **парадигматическим преобразованиям** мы относим явления изменения лексического значения или грамматических свойств

глагола без расширения сочетаемости. Парадигматические лексические преобразования происходят в случаях, когда глагол *обрусеть* в значении 'стать русским', в норме предполагающий, что русскими становятся те, кто раньше русским не был, начинает означать нарастание количества русских на какой-либо иноземной территории, которая в целом русской не становится, например: *В ближайшие недели еще можно купить билеты на рейсы в страны, где отдых даже лучше, чем в обрусевшем Египте, и интереснее, чем на горнолыжных курортах* [Труд-7, 11.11.2010]; *Куришевель окончательно обрусел: из «Мерседесов» и «Бентли» с номерами региона 197 (Москва) гремит «Владимирский централ» и «Рюмка водки на столе»* [Комсомольская правда, 10.01.2012]. – Нетрудно заметить, что ни Египет, ни Куршевель в реальном смысле слова не стали русскими, просто туда приезжает много русских.

В этом же смысле может «обрусеть» и зарубежная спортивная команда: *Это значит, что «Койоты» еще больше обрусели – кроме Калинина, там играют Виктор Тихонов, Энвер Лисин и Брызгалов* [Советский спорт, 06.03.2009]. – Здесь имеется в виду, что в состав хоккейной команды НХЛ вошло много русских хоккеистов. Сама эта команда, разумеется, российской не стала.

Также «обрусению» по аналогичной модели могут подвергаться вполне абстрактные понятия, например, из экономической сферы: *За последние годы юридический рынок серьезно обрусел* [Ведомости, 10.03.2019]. – Речь просто идет о том, что больше количество русских по происхождению юристов замещают иностранных в разных областях деятельности.

К парадигматическим грамматическим преобразованиям мы относим изменения в области так называемых «скрытых категорий» – это особый тип грамматических значений, которые не имеют формально выделяемых, морфологических средств выражения в языке, но тем не менее включаются в грамматическую систему языка на основании «косвенных» (например, синтаксических) признаков, позволяющих говорить об их присутствии [23]. В нашем случае речь идет о преобразованиях в сфере агентивности/неагентивности, контролируемости/неконтролируемости глагола.

Так, в норме глагол *обрусеть* не является ни агентивным, ни контролируемым, так как он обозначает не действие, а изменение состояния – нельзя обрусеть целенаправленно, намеренно, по желанию, специально прилагая к этому усилия. Однако в следующих примерах мы можем говорить о том, что глагол *обрусеть* преобразу-

ется именно в глагол сознательного целенаправленного действия: *Чистокровная немка Екатерина делала все, чтобы обрусеть: упорно и успешно учила русский язык, при любой возможности одевалась в русское платье (будучи уже на престоле, даже создала, как утверждают специалисты, целое направление в моде), подчеркнуто читла все православные обычаи, предпочитала окружать себя русскими людьми* [РИА Новости, 09.11.2006]; *Создается такое впечатление, словно все уже обрусели, а те, которые еще не успели, только о том и мечтают, чтобы обрусеть: следовательно, давайте им помогать в этом похвальном стремлении и насаждать русскую культуру в качестве всероссийской* [Одесские новости, 1910].

К синтагматическим преобразованиям относятся явления, которые в работах Е.В. Падучевой трактуются в качестве такой разновидности семантической деривации, как изменение таксономического класса участников обозначаемой ситуации, т.е. замена класса участника события, исходного для данного глагола, на ему несвойственный [24]. В нашем случае речь идет о неузальном расширении сочетаемости, при котором позицию субъекта действия при глаголе *обрусеть* занимает существительное, в норме с этим глаголом не сочетающееся. Как правило, оно реализуется по метафорическим и метонимическим моделям переноса. Итак, что же может «обрусеть» в речевых практиках носителей русского языка нашего времени?

Прежде всего могут «обрусеть» проявления речевой деятельности – слова, выражения, высказывания: *Обрусевшее слово «ковид» постепенно стало терять привязку к заболеванию и отрицательную коннотацию* [Коммерсант, 29.10.2020]; *В крайнем случае можно согласиться лишь на обрусевшее слово «дефолт»* [Комсомольская правда, 06.08.2004]; *У русского языка свои особенности, так что слово сразу обрусело, обзавелось однокоренными словами: хайпить (ловить популярность, гнаться за ней), хайпануть (сделать что-то громкое), хайпер (человек, который заработал популярность, вызвал резонанс)* [Новая газета, 15.09.2017]. – В этих случаях речь идет о процессах культурного освоения заимствования в речевых практиках носителей русского языка.

«Обрусение» слова может быть связано с новым социокультурным содержанием, которое вкладывает в него автор медиатекста, т.е. с индивидуально-авторским переосмыслением семантики: *Вернадский в 1924 году, говоря о деятелях науки и культуры, на которых держится общество, писал это слово по-французски: élite. И вот теперь, обрусев, оно означает толсто-*

мордых нуворишей, недавних бандитов, пьющих водку в Куршевеле, хапуг-чиновников, низкопробных поп-звезд, которые эту публику развлекают, просто светских проституток с силиконовыми запчастями. В ресторане собралась элита [М.С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей (2009)]. – Здесь мы сталкиваемся с реализацией автором медиатекста манипулятивной речевой стратегии *de re*, при которой, согласно мнению Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, значение слов или выражений переинтерпретируется или переформулируется в интересах самого говорящего [25, с. 472–474].

Метафорическое переосмысление «обрусения» явлений речевой деятельности также может быть связано с иноязычными литературными произведениями. Прежде всего таким образом иносказательно именуется факт перевода произведения на русский язык: *Разве что Сергей Аверинцев и Наталья Трауберг под руку с обрусевшим благодаря ей сэром Честертоном* [Ведомости, 23.10.2009].

В ряде случаев в расширенную семантику *обрусеть* с данным участником ситуации входит не только идея перевода иностранного произведения на русский язык: речь может идти о культурной рецепции чужого текста, его эстетическом освоении на русской почве, например: *Мураками «обрусел», то есть стал понятен и близок русскому читателю* [«Октябрь», 2013]; *«Гарри Поттер» явно нуждается и в идеологической русификации: чтобы его герои обрусели внутренне, их надо не только переименовать, но и перетолковать, поставить им в соответствие русские аналоги* [Коммерсант, 16.12.2002].

По аналогичной модели культурного освоения на русской почве «обрусению» подвергаются и явления других видов искусства, например балета, а также шоу-бизнеса: *Однако со временем полученная «из третьих рук» «Сильфида» совсем обрусела: московские артисты танцевали не столько датскую классику, сколько свое представление о балетном романтизме* [Коммерсант, 22.02.2008]; *Разумеется, контекст интерпретации обусловлен жанром программы – простоватой обрусевшей версией западных «ток-шоу» с хорошенькой, но тоже простоватой ведущей, с забавной «референтной группой» мужчин, героинями, олицетворяющими вполне тривиальные темы обсуждения и аудиторией – простыми российскими женщинами...* [Независимая газета, 24.07.1997].

Элемент словарного толкования 'стать русским на вид' реализуется в модели метафорического семантического расширения в контексте описания предметов религиозного культа: *По*

сравнению с XVI веком, когда лица на иконах вдруг **обрусели** и приобрели специфически славянские черты, здесь они вновь становятся резко греческими, коричневыми, с длинными византийскими носами [Коммерсант, 03.07.2007].

Еще один вариант расширения сочетаемости за счет замены таксономического класса исходного субъекта действия на субъект, в норме не присущий данному глаголу, связан с возможностью «обрусения» даже животных: *«Кто-то дарит китайских панд, а мы – **обрусевших корги**», – написала она на своей странице в Instagram [lenta.ru, 15.11.2019].* – Здесь речь идет о корги, которых уже давно и успешно разводят в России.

Однако возможно и ситуативное «обрусение» животных, как это видно в следующем примере: ***Боевые португальские быки** окончательно **обрусели** и обросли грязью в продуваемом всеми ветрами старом коровнике, куда их сгрузили в июле [Известия, 07.04.2002].* – В данном случае описывается ситуация, когда португальских быков для корриды поместили в неприглядные условия существования, обычно присущие русским животным, отчего эти быки, конечно же, реально не стали русскими быками.

В модели метафорического расширения за счет замены таксономического класса участника события «обрусения» могут выступать и неодушевленные объекты:

– автомобили: *Все «ВАЗы» построены на одинаковом шасси, которое ведёт свою родословную от «копейки» – **обрусевшего** в 1970 году «Фиата-124» [Аргументы и факты, 01.11.2006],* – т.е. производимого на отечественных заводах, с отечественными деталями;

– полиграфическая продукция: *Потом появились не свойственные нашим традициям прозападные открытки с идиотским юмором и уродливыми картинками. Сегодня мало что изменилось, но, слава Богу, **открытка более обрусела** [Комсомольская правда, 10.09.2001],* – т.е. начала соответствовать отечественным полиграфическим традициям;

– продукты питания: *Это один из основных элементов пищевой таблицы Менделеева – вроде тех же злаков или попавшей к нам позже, но быстро **обрусевшей картошки**; морской хлеб-черняшка [В.О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях (2015)],* – т.е. вошла в русский быт и стала типично отечественной пищей.

Все рассмотренные выше семантические расширения глагола *обрусеть* в дескриптивном употреблении демонстрируют значительное разнообразие понимания и интерпретации ситуации 'стать русским' в языковом сознании носителей русского языка.

Ко второй семантической группе употреблений глагола *обрусеть*, согласно принятой в работе концепции, относятся **ценностно маркированные (оценочные) употребления**. Возможность возникновения ценностно маркированной семантики у глагола *обрусеть* на обширном диалектном материале обоснована в работах Е.Л. Березович, которая показала, что обрусение рассматривается в традиционной русской культуре как обозначение «своего мира», «присвоения пространства». С другой стороны, обрусение воспринимается как нормальное, привычное физическое состояние человека, хорошее самочувствие [5, с. 119]. В другой своей работе Е.Л. Березович акцентирует наличие духовно и нравственно ориентированного семантического компонента в ситуации *обрусеть*: «Обрусение – это окультуривание, приобщение к цивилизации: арх. *вырусеть, изрусеть, орусеть* 'стать лучше во всех отношениях, культурнее' <...> На основе значений освоения, окультуривания формируется более абстрактная семантика положительно оцениваемого действия, состояния, ср. костр. *порусеть* 'стать лучше, качественнее'...» [4, с. 20–21]. Иными словами, *обрусеть* имеет значительный оценочный потенциал для выражения культурно значимых смыслов, национальных идеалов и ценностей.

Как и для употреблений дескриптивного типа, для семантического класса ценностно маркированных употреблений возможны как парадигматические, так и синтагматические преобразования. Как было отмечено выше, к **парадигматическим преобразованиям** относятся явления изменения лексического значения без явного и очевидного расширения сочетаемости.

Применительно к интересующему нас глаголу *обрусеть* первая группа оценочных преобразований связана с представлением об обрусении как о вписанности в систему религиозно-православных ценностей, например: *Еще в XIX веке Достоевский писал, что в России **принять православие** значит **обрусеть**, а **принять католичество** – **ополячиться** [Независимая газета (приложение «НГ-Религии»), 27.09.2000].*

Идея приобщения к миру русского православия как ценностной доминанты традиционной русской языковой картины мира выражается в развернутой метафоре обрусения Христа: ***Христос обрусел** благодаря духовным усилиям, религиозному творчеству и судьбе народа [Труд-7, 22.11.2000].*

Другая грань ценностно маркированного употребления *обрусеть* соотносится с представлениями о важности быть русским по духу, по ментальности, по характеру, т.е. соответствовать национальному идеалу, например: *И*

не зря считаются положительным багажом годы, проведенные им у нас до возглавления национальной сборной. Потому, что **Адвокат обрусел**. Нет, может быть, он и раньше таким был, не исключено даже, что всегда – в этом случае **его менталитет** прекрасно **совпадает с нашим** [Советский спорт, 07.02.2011]; Русских очень волнует, что о них думают в других странах. Однако мне столько раз говорили, что я совсем **обрусел в душе, в характере**, я подумал, что раз я **русский**, то имею право на самоиронию [Известия, 14.11.2007].

Ценностно маркированные употребления глагола *обрусеть* также могут быть связаны с выражением расхожих стереотипных представлений о русских, как правило, негативно-оценочного характера. Прагмалингвистическим механизмом выражения стереотипа является **инференция** – имплицитная информация, которую адресат сообщения должен, по замыслу говорящего, самостоятельно логически вывести по умолчанию из того, что сказано, опираясь на контекст, ситуацию общения, культурный фон, энциклопедические знания о мире, а также на постулаты общения. В этих случаях нетривиальный новый смысл формируется, согласно определению Н.Н. Болдырева, именно «за счет имплицитного обращения к другому концепту, т.е. на основе выводного, дополнительного знания» [26, с. 102].

Так, в примере: *У меня такое впечатление, что не начни испанец ругаться с Симеоне после своего фола, его бы и не выгнали. Ну, извинись ты, промолчи... Нет же, обрусел парень и пошел рвать рубаху на груди!* [Советский спорт, 21.02.2013], – в зоне инференции отражен стереотип ‘русские склонны к бурному и чрезмерному проявлению чувств’ (об этой черте русского национального характера см. [27]).

См. еще ряд негативно-оценочных стереотипов, имплицитно выраженных посредством глагола *обрусеть* в инференции:

– ‘русские ленивы’: *В российской прессе все чаще появляются критические материалы о футболистах-легионерах, которые, условно говоря, обрусели – обленились, перестали работать на полную катушку, забивать* [Советский спорт, 19.04.2012];

– ‘русские не соблюдают правила приличия, плохо себя ведут’: *К Дику у меня только один вопрос. Зачем он обрусел в самом худшем понимании этого слова? Тренер-иностранец, в котором мы видели образец для подражания в плане не только тренерской мысли, но и поведения, ведет себя как какой-нибудь Семен Сидорыч из второго дивизиона. Вдруг Дик начал орать на судью...* [Советский спорт, 25.02.2008];

– ‘русские непрофессионально относятся к делу (здесь = плохо играют в футбол)’: *Мог забить Кураньи, и я в очередной раз констатирую, что немец обрусел – как только он приехал в нашу лигу, такие моменты, выходя один на один, мастерски им реализовывались... А теперь?* [Советский спорт, 20.05.2013].

Также довольно много примеров, посредством ценностно маркированного употребления глагола *обрусеть* имплицитно выражающих стереотипные представления о любви русских к выпивке: *Социологи пока не знают, сколько требуется времени, чтобы обрусеть. Но, по наблюдениям опытных знатоков заграницы, после трех лет в России в душах иностранцев начинаются необратимые процессы: понимание русской водки, разборчивость в икре и нежелание возвращаться на родину* [Vesti.ru, 15.04.2010]; *Может, и тут виноваты азербайджанцы? <...> Я с вами согласен только в одном: надо их из России высылать обратно домой, потому что многие мои соотечественники «обрусели», стали пить водку, создали семьи с русскими женщинами ...* [Комсомольская правда, 23.07.2003].

К синтагматическим преобразованиям в ценностно маркированных употреблениях глагола *обрусеть* относятся случаи, когда неузальное расширение сочетаемости связано с избыточным заполнением позиции обстоятельства при этом глаголе посредством показателя с семантикой качества или меры и степени, например: *С тех давних пор они, как водится, обрусели с запасом, продолжая, однако, пребывать в чудаках* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989)]. – В результате возникает аномальная концептуализация ситуации «обрусения» с запасом, т.е. впрок.

Чаще всего в исследованном материале избыточный обстоятельственный показатель эксплицитно выражает негативно-оценочную семантику, например: *Андрей Иванович Остерман приехал в Россию при Петре I и, как шутили современники, обрусел до полного безобразия* [Коммерсант, 12.04.2010]; ... *но получается, что в этом случае обрусели они до неприличия* [Независимая газета, 25.11.1998]; ... *вице-канцлер Яков Вильямович Брюс при Петре I беззаветно служил России, но до того обрусел, что проворовался и его водили на эшафот* [«Октябрь», 2003]. – В данных ценностно маркированных употреблениях глагола *обрусеть* в иронически сниженном регистре акцентируется неприятие чрезмерного проявления негативных сторон русской жизни и отдельных отрицательных свойств русского национального характера.

В целом мы можем заключить, что глагол *обрусеть* в его речевой реализации демонстрирует значительные возможности в языковом

воплощении значимых национальных ценностей. Также указанный глагол проявляет значительную активность и в имплицитном выражении стереотипных представлений о русской жизни и о русском национальном характере, в том числе и негативно-оценочного типа.

Список литературы

1. Костина Е.А., Егорычев А.М., Ригер А. Русские: характер, ментальность, стереотипы поведения // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (16). С. 116–128.
2. Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта, 2023. 320 с.
3. Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical framework and applications. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co, 2011. XVII, 238 p. DOI: 10.1075/clsc.1.
4. Березович Е.Л. Деривационная семантика русского в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 5–32.
5. Березович Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Издательский дом «Языки славянской культуры», 2024. 824 с.
7. Глебова Н.Г. Коннотативно-оценочный потенциал слов-репрезентантов концепта РУССКОСТЬ в современном русском языке // Научный диалог. 2017. № 11. С. 25–37. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-25-37.
8. Карасик В.И. Нормы поведения в языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 35–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49.
9. Ковшова М.Л. Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 745–756. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756.
10. Sharifian F. Cultural Linguistics // Ethnolinguistic. 2017. № 28. P. 33–61. DOI: 10.17951/et.2016.28.31.
11. Peeters B. On Linguoculturology and Cultural Linguistics // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 4. С. 6–11. DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11.
12. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
13. Макшанцева Н.В. Концепт «любовь» в русском языке // Вестник Университета Российской академии образования. 2008. № 1. С. 112–116.
14. Morphy F., & Morphy N. Locating 'Mind' (and 'Soul') Cross-culturally // Bromhead H., & Zhengdao Ye. (ed.). Meaning, Life and Culture. In Conversation with Anna Wierzbicka. Acton: Australian National University Press, 2020. P. 249–271. DOI: 10.22459/MLC.2020.
15. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.
16. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
17. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Коллективная монография / Под ред. Л.В. Рабицурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.
18. Макшанцева Н.В. Оценочный потенциал слова в русской речи по данным контекстуального анализа (на примере прилагательного *отечественный*) // Язык и культура. 2023. № 62. С. 54–72. DOI: 10.17223/19996195/62/3.
19. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. VIII: О. 1959. 924 с.
20. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой (МАС). М.: Русский язык, 1985–1988. Т. II: К-О. 1986. 736 с.
21. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. II. 1088 с.
22. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.04.2024).
23. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Скрытые категории // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 457–458.
24. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.
25. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
26. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 235 с.
27. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 412 с.

SEMANTIC EXTENSIONS OF THE VERB «OBRUSET» («RUSSIANIZE») AS A LANGUAGE EMBODIMENT OF NATIONAL VALUES AND STEREOTYPES

N.V. Makshantseva

Using the example of the verb «obruset» («Russianize»), the article examines the possibilities of words and expressions representing the conceptual sphere of Russian to be a means of language embodiment of national ideals, values, norms and

behavioral stereotypes. A research procedure was used, which consists of a quantitative analysis and subsequent qualitative interpretation of the contexts of use of the specified word in a large array of corpus data in order to identify possible implicit, contextual (i.e., induced in the context) positive or negative evaluativeness. The research material is lexicographic information about the verb «obruset» («Russianize») in Russian explanatory dictionaries and the contexts of use of this word in the Russian National Corpus. Two semantic classes of uses of this verb are identified: «to become Russian in culture, language, customs» (descriptive, neutral, non-evaluative meaning); «to become Russian in spirit, in character» (value-marked, evaluative meaning). The contexts of use of this word demonstrate semantic extensions of both classes of meanings, in including in terms of expressing ideas about the negative aspects of Russian life and the negative properties of the Russian national character.

Keywords: verb «obruset» («Russianize»), semantic extension, national values, stereotypes, contextual evaluativeness, corpus data, linguoculturology, Russian speech.

References

1. Kostina E.A., Egorychev A.M., Rieger A. Russians: character, mentality, behavior stereotypes // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2013. № 6 (16). P.116–128.
2. Sergeeva A.V. Russians. Stereotypes of behavior, traditions, mentality. M.: Flint, 2023. 320 p.
3. Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical framework and applications. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co, 2011. XVII, 238 p. DOI: 10.1075/clsc.1.
4. Berezovich E.L. Russian Derivational Semantics in Russian vernacular dialects // Russian language in scientific coverage. 2011. № 2 (22). P. 5–32.
5. Berezovich E.L. Russian vocabulary on a common Slavic background: semantic and motivational reconstruction. M.: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2014. 488 p.
6. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience. M.: Publishing house «Languages of Slavic culture», 2024. 824 p.
7. Glebova N.G. Connotative-evaluative potential of the words representing the concept of Russianness in the modern Russian language // Scientific dialogue. 2017. № 11. P. 25–37. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-25-37.
8. Karasik V.I. Norms of behavior in the linguistic picture of the world // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2019. № 4. P. 35–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49.
9. Kovshova M.L. The role of linguoculturology at the present stage: basic principles and research method // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2023. Vol. 14. № 3. P. 745–756. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-745-756.
10. Sharifian F. Cultural Linguistics // Ethnolinguistics. 2017. № 28. P. 33–61. DOI: 10.17951/et.2016.28.31
11. Peeters B. On Linguoculturology and Cultural Linguistics // Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2019. Vol. 17. № 4. P. 6–11. DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11.
12. Kolesov V.V. Russian mentality in language and text. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2006. 624 p.
13. Makshantseva N.V. The concept of «love» in the Russian language // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. 2008. № 1. P. 112–116.
14. Morphy F., & Morphy H. Locating 'Mind' (and 'Soul') Cross-culturally // Bromhead H., & Zhengdao Ye. (ed.). Meaning, Life and Culture. In Conversation with Anna Wierzbicka. Acton: Australian National University Press, 2020. P. 249–271. DOI: 10.22459/MLC.2020.
15. Chernyavskaya V.E. Discursive analysis and corpus methods: the necessary evidence? Explanatory possibilities of qualitative and quantitative approaches // Questions of cognitive linguistics. 2018. № 2. P. 31–37.
16. Radbil T.B. «Self-isolation» as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect // Communicative studies. 2020. Vol. 7. № 4. P. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
17. The Russian language in Internet communication: linguocognitive and pragmatic aspects: A collective monograph / Edited by L.V. Ratsiburskaya. M.: Flint, 2021. 328 p.
18. Makshantseva N.V. The evaluative potential of a word in Russian speech according to contextual analysis (using the example of the adjective *domestic*) // Language and culture. 2023. № 62. P. 54–72. DOI: 10.17223/19996195/62/3.
19. Dictionary of modern Russian literary language: In 17 volumes. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950-1965. Vol. VIII: O. 1959. 924 p.
20. Russian Dictionary: in 4 volumes / Edited by A.P. Evgenieva. M.: Russian language, 1985–1988. Vol. II: K-O. 1986. 736 p.
21. Efremova T.F. New dictionary of Russian language: explanatory and word-formation: In 2 volumes. M.: Russian language, 2000. Vol. II. 1088 p.
22. The National Corpus of the Russian language [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Date of access: 12.04.2024).
23. Bulygina T.V., Krylov S.A. Hidden categories // Linguistic encyclopedic dictionary / Editor-in-Chief V.N. Yartseva. M.: Soviet Encyclopedia, 1990. P. 457–458.
24. Paducheva E.V. Dynamic models in Semantics of vocabulary. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 607 p.
25. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar). M.: Languages of Russian culture, 1997. 576 p.
26. Boldyrev N.N. Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics. Tambov: TSU named after G.R. Derzhavin, 2014. 235 p.
27. Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition / Translated from English; ed. and comp. M.A. Krongauz. M.: Russian dictionaries, 1997. 412 p.